

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ДРАКОНЫ МЕЧЕТИ АНАУ

К числу замечательных произведений монументальной архитектуры Туркменистана XV в. принадлежало здание мечети на городище Анау близ Ашхабада, рухнувшее при землетрясении 6 октября 1948 г. Мечеть была воздвигнута в 1456 г., в правление Абул-Касым-Бабура при могиле некоего шейха Джемаледдина сыном его Мухаммедом, по всей вероятности крупным местным феодалом¹. По своим архитектурным качествам мечеть могла бы соперничать с лучшими постройками тимуридского времени Самарканда и Горета.

В мечети совершенно уникальным было оформление главного портала, в тимпанах которого размещалось два крупных (если «распрямить» их извивы, они достигли бы длины 8—9 м) дракона (рис. 1). Тела этих фантастических животных казались издали яркожелтыми. Лишь при близком рассмотрении выявлялось, что богатые переливы чешуи, волнистых прядей волос, зазубренного хребта набраны из сравнительно крупных яркожелтых элементов мозаики, резко очерченных по контуру белыми и черно-лиловыми плитками. Фоном для дракона служила богатая растительная орнаментика на темно-синей основе: фантастическое цветущее дерево, как бы вырастающее из пасти животного и разветвленное на несколько гибких голубых стеблей, обильно покрытых крупными остролистами и белыми цветами (трех-, четырех- и пятилепестковыми, в зависимости от формы свободного участка, на котором они расположены)².

Почти все, писавшие об этом памятнике, отмечали иконографическую близость изображения драконов к обычной трактовке их в китайском искусстве. Одни говорили при этом о китайском влиянии³, другие — о прямом заимствовании из Китая сюжета и его интерпретации⁴, наконец, третьи называли их «китайскими императорскими драконами», считая несомненным, что исполнителем рисунка мозаики был китайский мастер⁵.

Анауские драконы безусловно воспроизводят именно китайскую иконографию этого полиморфного существа. Китайский дракон (лун) сочетает в себе элементы различных животных: у него тело змеи, покрытое чешуею рыбы; лапы тигра, снабженные когтями ястреба; голова верблюда с воловьими ушами и рогами оленя⁶. Драконы бывают красные, белые, черные, синие, пестрые, желтые. Желтый дракон, имеющий пятипалые лапы (остальные — четырехпалые), является символом императорской власти. Именно таковы и драконы Анау. Однако в Китае желтый дракон служил государственным гербом лишь в одиночном изображении, а на портале мечети их два. Да и странным было бы появление китайских династических эмблем в тимуридской мечети Хорасана. И хотя Б. П. Денике уже отмечал необычность подобного сюжета в культовых зданиях ислама, до сих пор неизвестно, почему на портале анауской мечети изображены драконы. Думается, что просто участием китайского мастера этого объяснить нельзя: проект памятника, несомненно, согласовывался с заказчиком, крупным хорасанским феодалом, который едва ли в угоду вкусам дальневосточного мастера поместил бы любезные

¹ Полагаем, что строителем мечети Анау был Мухаммад Худайдот, игравший видную роль при Абул-Касым-Бабура и в ранние годы «казачества» в северном Хорасане султана Хусейна Байкары в области Нисы, в подчинении которой находился и Анау.

² Н. М. Бачинский в статье «Мавзолей Джемель-ул-Хак Уаддина» («Архитектурные памятники Туркмении», Москва — Ашхабад, 1939, стр. 107) называет эти отвлеченно трактованные цветы цветами яблони, хотя ни сами цветы, ни характер стеблей и листвы не дают оснований к подобному истолкованию.

³ И. И. Умняков, *Архитектурные памятники Средней Азии*, Ташкент, 1928, стр. 34, со ссылкой на статью E. Schn-Wiener, *Die Ruinen des Seldschukenstadt von Merv und das Mausoleum Sultan Sandschars*, «Jahrbuch der Asiatischen Kunst», 1925.

⁴ Б. П. Денике, *Искусство Средней Азии*, М., 1927, стр. 39; его же, *Архитектурный орнамент Средней Азии*, М.—Л., 1939, стр. 178—186; Б. В. Веймарн, *Искусство Средней Азии*, М.—Л., 1940, стр. 98—99.

⁵ А. А. Семенов, *Развалины мечети близ селения Анау, «Средняя Азия»*, Ташкент, 1911, стр. 5; Н. М. Бачинский, *Указ. соч.*, стр. 107.

⁶ Н. Н. Веселовский, *Китайские символы в предметах украшений*, СПб., 1911, стр. 2—3; E. H. Chinese Dragons, *The University Museum Bulletin*, Philadelphia, 1934, vol. 5, No. 1, стр. 29—31.

сердцу последнего образы лунов. Причины к тому должны были быть гораздо глубже, чем простая прихоть художника.

В Средней и в Передней Азии тема дракона известна с отдаленных времен; она сохранилась в фольклоре, а в некоторых глухих районах (например, в Припамирье) — в народных верованиях. Фольклорный дракон — аждага имеет два основных образа: либо это страж гор, охраняющий сокровища недр, либо существо, связанное с водой, род водяной змеи; ей подвластны источники, она может вызывать дождь. В первом случае аждага имеет аналогии в западном мифотворчестве, во втором — сближается с дальневосточным драконом. В персидском труде «Аджаибуль-Махлюкат» аждага характеризуется как огромное животное, которое большую часть жизни проводит в воде, откуда иногда поднимается на высокие горы, наслаждаясь там влажностью облаков⁷. В Фергане, издавна связанной с Дальним Востоком, еще недавно существовало празднество, во время которого носили чучело аждага, что должно было вызвать дожди для молодых посевов; к этим же верованиям восходит широко распространенный в Средней Азии обычай запускания бумажного змея, давно уже превратившийся в любимую забаву детей.

Образ аждага в Средней Азии близок к образу другого фантастического существа, якобы проживающего в горных озерах, — «аспи-оби», к водяному коню⁸.

Если попытаться проследить эволюцию изображения среднеазиатского дракона в произведениях средневекового искусства в различные века, то можно установить, что образ этот претерпевает известные изменения, отображая определенные черты культурных взаимодействий. Не для всех столетий это осуществимо, но можно, например, указать на чашу VIII—IX вв. с Афрасиаба, ныне хранящуюся в Самаркандском музее⁹. Здесь изображен «коневидный дракон»; у него пятнистое туловище коня, длинная жирафья шея, острые уши, птичий клюв, которым он кусает свой гладкий, завершенный на конце трилистником хвост. Аналогичное изображение отмечено на датируемой тем же временем чаше из Нисы (из коллекции Е. Г. Сукачева). Можно отметить коневидного дракона и на некоторых миниатюрах XV—XVI вв. (например, Джами 1481 г. из собрания Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, инв. № 426 и др.). По «Аджаибуль-Махлюкат», аспи-оби — двукопытное животное с лошадиной головой, с хвостом свиный. На самаркандской и нисийской чашах мы видим несколько иной, очевидно более древний вариант этого образа, имеющий параллели еще в древней расписной керамике Ирана III тысячелетия до н. э.¹⁰ Вместе с тем по крайней мере с XIV в. в миниатюрной живописи «монгольской» школы (называемой так по династическому, а не по этнографическому признаку), сложившейся, как это неоднократно указывалось, под влиянием художественных традиций Китая, изображение дракона имеет китайский характер. Таков, дракон в сценах, иллюстрирующих борьбу витязя с драконом (например, излюбленный художниками сюжет из «Шах-наме», посвященный подвигам Рустема)¹¹, дракон-аждага и феникс-симург в украшениях богато оформленных манускриптов¹², дракон — носитель целебных свойств в иллюстрациях медицинских трактатов¹³ или, наконец, дракон — созвездие в астрономических трактатах — всюду изображен в характерной китайской трактовке образа; известным отступлением являются языки пламени, изрыгаемые драконом, что несвойственно его дальневосточному прототипу.

В XV в., когда создавалась анауская мечеть, Средняя Азия поддерживала дипломатические, торговые и культурные связи с Китаем. Это подтверждают многочисленные фрагменты фарфора минского времени и местных его подражаний, обнаруженные в северном Хорасане, в частности в Нисе и подчиненных ей городах, в число которых входил и Анау. На популярность мотива дракона в эту эпоху на мусульманском Востоке указывают изготовлявшиеся в Китае специально на вывоз художественные изделия (например, бронзовый сосуд 1431 г. с изображениями драконов и «калимой» — формулой мусульманского вероисповедания, написанной иероглифами)¹⁴ или же местные керамические имитации фарфора с фигурами драконов. Сохраняя местное содержание, этот мифологический зверь получает здесь новое истолкование. При всем том образ «коневидного» аждага не исчезает, он фигурирует на некоторых миниатюрах тех же и более поздних эпох. Чрезвычайно интересно наличие коневидных драконов в тимпанах медресе Рустамбека в Ходженте (XIX в.).

⁷ Н. П. Остроумов, Сказки сартов, Ташкент, 1906, стр. 161.

⁸ Н. П. Остроумов, Указ. соч., стр. 169; Н. Г. Малыцки й, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 57.

⁹ Чаша опубликована В. Л. Вяткиным в работе: «Афрасиаб — городище былого Самарканда», Ташкент, 1926, стр. 58.

¹⁰ Например, чаша из Нихавенда в Бостонском музее изящных искусств (ср. Ph. Ackerman, Some Indo-Iranian Motifs in Sasanian Art, From «Indian Art and Letters», vol. XI, No. 1, 1937, рис. 5, стр. 4—5).

¹¹ Например, Б. П. Денике, Живопись Ирана, М., 1938, рис. 20.

¹² E. Kühnel, Miniaturmalerei im Islamischen Orient, Berlin, 1925.

¹³ «Бадиевы выборы», Рукопись Медико-фармакологического трактата 948 г. X-1541/2 г. в собрании Института востоковедения АН УзССР, стр. 89.

¹⁴ В. Lauffer, Chinese Muhammedan Bronzes, Ars Islamica, vol. 1, pt. 2, 1934, рис. 3—4.

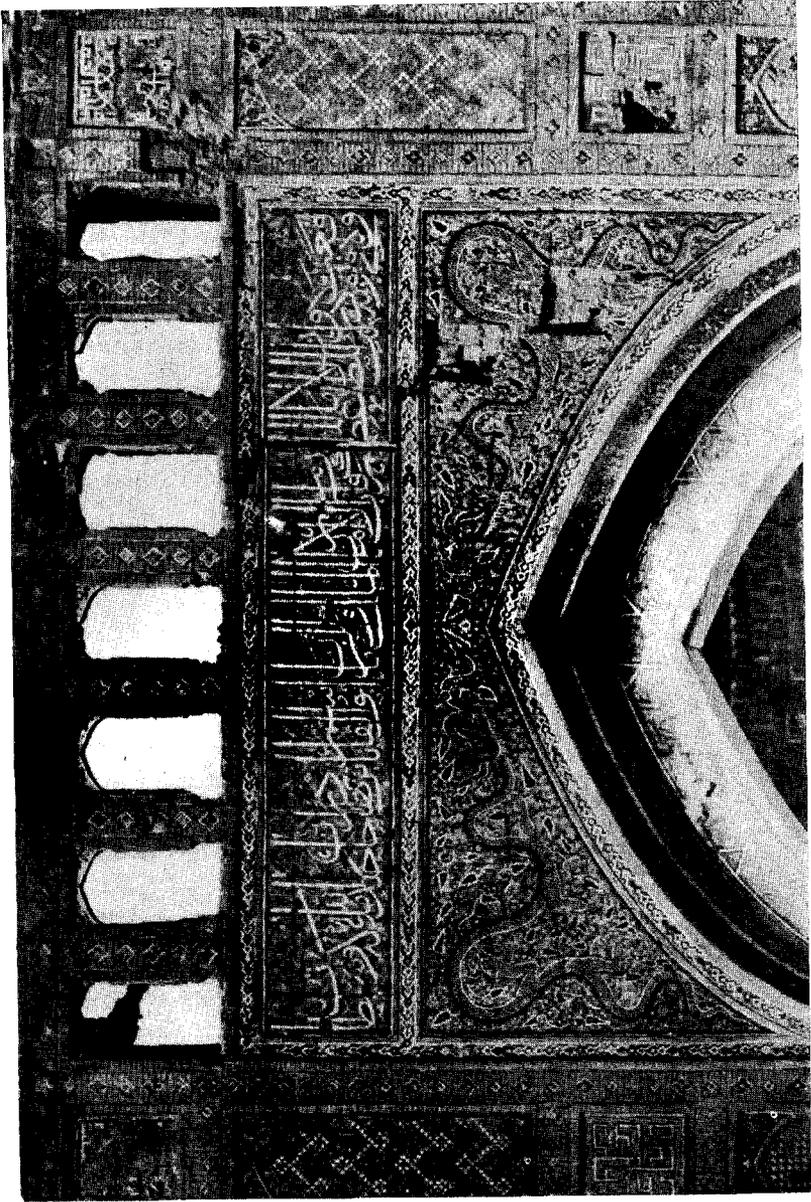

Рис. 1. Драконы на портале мечети Анау

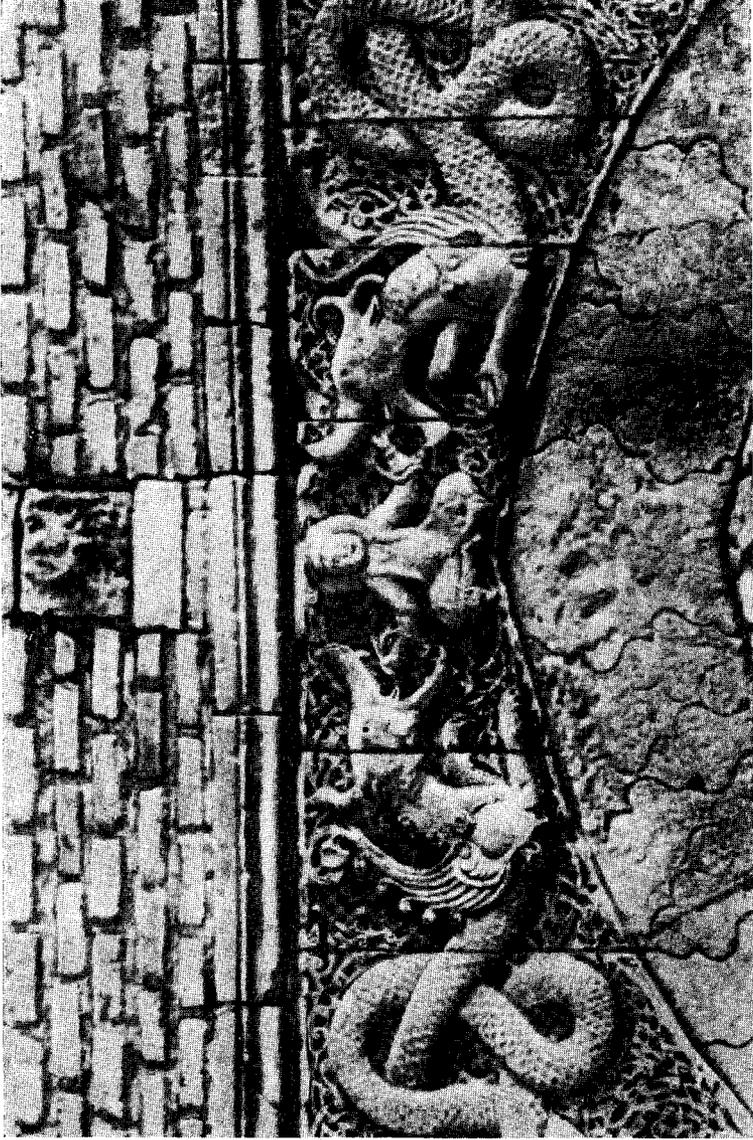

Рис. 2. Тимпаны «Ворот Талисмана» в Багдаде

Итак, изобразительная трактовка драконов мечети Анау отнюдь не является ни результатом преднамеренного введения в ее украшение геральдической эмблемы китайских императоров, ни произведением китайского художника. Прекрасные тимпаны мечети сработаны среднеазиатским мастером, который изобразил аждага в иконографической схеме, заимствованной полутора-двумя столетиями ранее из Китая, но в XV в. ставшей обычной, более того — канонизованной в местном изобразительном искусстве.

Возникает вопрос: для чего же поместил художник этих чудовищ в монументальном культовом здании? Здесь нам придется обратиться к некоторым аналогиям.

На портале руин Эль-хан в Амиде повторено в зеркальной композиции изображение героя, пронзающего копьем дракона. Трудно сейчас решить, кто послужил прообразом этого витязя — Рустем или Георгий Победоносец, что легло в основу — иранское эпическое предание или его христианская версия. Развернутое объяснение предлагалось в отношении другого аналогичного портала в Амиде, датируемого началом XIII в., тимпаны которого заполнены извивами тел драконов, чьи жала стиснул в руках сидящий меж ними человек¹⁵. Предполагают, что это изображение халифа Назира, символически торжествующего победу над врагами — по Зарре над хорезмшахом Мухаммедом и над монголами¹⁶, по Ван-Бершему — над ассасинами¹⁷. Однако в архивольтах арки цитадели Халеба почти того же времени два змеевидных дракона (без лап) перевели свои тела, а в крайних сегментах ворот этого города два дракона как бы ползут навстречу друг другу. Если, следуя Зарре и Ван-Бершему, считать, что драконы символизируют врага, становится непонятным, зачем изображать их над воротами города, как это имеет место в названных памятниках Халеба или в известных «Воротах Талисмана» в Багдаде (XIV в.; рис. 2)¹⁸.

Более убедительна гипотеза Ван-Бершема, который, умножая примеры изображения спаренных драконов (например, в чекане монет Хан-Арслана), рассматривает их как фамильный герб дома Ортукидов (XII—XIV вв.). Действительно, названные памятники связаны хронологически и территориально с городами, входившими во владения этой династии, ведшей свое происхождение от Ортука бини Асаба, туркменского военачальника сельджуцкой армии¹⁹. Можно думать, что дракон — змеевидный хищник был тотемом его племени, подобно тем хищным птицам, которые, как это показано В. Г. Мошковой, были еще в средневековые тотемами определенных туркменских племен, сохранившись в видоизмененных временах гôлях современных туркменских ковров²⁰. Среди расшифрованных ею названий гôлей, упомянутых средневековыми восточными авторами, некоторые пока определить не удалось; не входит ли в их число и дракон? Среднеазиатским тюркам дракон был известен, об этом свидетельствует терминология распространенного у них календаря с 12-летним животным циклом. По существу опустошительные войны. Дракон, таким образом, — как бы символ воинственного начала, благоприятный для воинственного племени, опасный для мирного населения. Любопытно, что на батальной миниатюре из Низами (1430/1 г., Государственный Эрмитаж) на штандартах обоих враждующих отрядов вытканы золотом изображения драконов: ясно, что в данном случае это не государственные инсигнии, а, видимо, эмблемы войны.

На древность этого мотива в областях южного Туркменистана указывает сообщение античных авторов о том, что драконы служили сигнумами (значками) парфянских военных отрядов (один дракон — на отряд в 1000 человек)²¹. При раскопках, производившихся Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией на городище Старая Ниса, среди обнаруженных в одном из сооружений оттисков парфянских печатей имеется печать с изображением дракона, видимо, передающая парфянскую иконографию этого фантастического существа²². Дракон представлен с отверстой длинной пастью, с хохолком на голове, с длинным гибким туловищем, с четырьмя короткими лапами и крыльями (рис. 3). Близки по типу изображения драконов на монетах Вологаза IV (191—209 г.)²³, а также на стенах парфянского дворца Хатра²⁴. Сказанным

¹⁵ M. Van-Berchem, *Matériaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmane de Diyar-Bekr. Amida*, Heidelberg, 1910, рис. 31.

¹⁶ Fr. Sarre, *Islamische Tongefässe*, «Jahrbuch d. Keis. Preuss. Kunstsammlungen», стр. 6, рис. 1, 7, 8.

¹⁷ M. Van-Berchem, Указ. соч., стр. 82—83.

¹⁸ Заметим, что драконы названных памятников отличны от драконов, принятых в китайской иконографии, влияние которой, видимо, ограничивалось пределами Средней Азии и Восточного Ирана.

¹⁹ Стэнли Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, Перевод с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 140.

²⁰ В. Г. Мошкова, *Племенные гôли в туркменских коврах*, «Советская этнография», 1946, № 1.

²¹ Лукиан, Как следует писать историю, § 29.

²² М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. «Вестник древней истории», 1954, № 4, стр. 164, рис. 25.

²³ A. Markoff, *Les monnaies des rois Parthes*, Paris, 1877, fasc. I, рис. 23. Автор ошибочно счел фигуру дракона на этих монетах за крылатого коня (стр. 8).

²⁴ W. Andrae, *Natra II*, Leipzig, 1912, стр. 156—157. Автор указывает на возможную взаимосвязь идеи дракона во дворце Хатры и упомянутых выше памятников Халеба и Амиды.

подтверждается древность иконографии дракона у парфян, коренная область обитания которых Парфияна располагалась как раз в Ахале, напомним, что сам средневековый городок Анау возник на месте парфянского города Гатара.

Возвращаясь к изображениям драконов, украшающих порталы диарбакирских сооружений XII—XIV вв., можно сказать следующее: это фамильный герб туркменской династии Ортукидов во-первых, это их племенной тотем во-вторых, это существо, символизирующее воинственное начало, в третьих, следовательно, халиф Назир на портале в Амиде фигурирует не как победитель каких-то определенных врагов (монголов или ассасинов), а как правитель, торжествующий над злом войны вообще. Драконы на во-

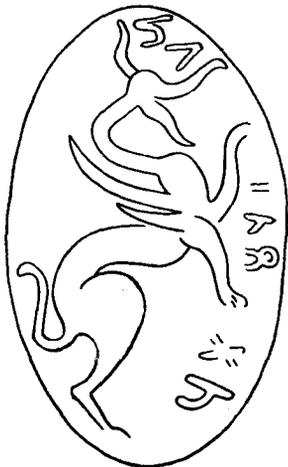

Рис. 3. Оттиск парфянской печати из Нисы

ротях Халеба и Багдада являются как бы грозными часовыми города, символической угрозой для нападающих врагов. Эта функция драконов, как существ-охранителей, быть может, восходит к глубокой старине, к магическим стражам — хранителям ворот. Драконы в основании главной арки парфянского дворца Хатры, грифоны вавилонских Ворот Иштари, крылатые быки Пропилеев Ксеркса на террасе Персеполя или в пилонах дворца Саргона в Хорсабаде, еще ранее — львы городских ворот Микен и Богазкёе — все это дивные, могущественные, страшные для врага, дружелюбные для населения существа — охранители города или дома. Утрачивая с течением времени свою магическую сущность, они сохраняются в изобразительном искусстве Востока, в украшениях городских ворот, или же порталных входов монументальных зданий. Именно таковы, очевидно, «ширы» (львы или тигры) в порталах медресе Шир-дор в Самарканде (1619)²⁵, Ак-Сарая в Шахризобе (1380—1405 г.)²⁶, караван-сарая Белеули, заброшенного в пустыне Усть-юрт (XI в.)²⁷, в сооружении которого мы предполагаем участие ближневосточных мастеров-каменщиков. Именно таковы драконы Халеба, Амиды, Багдада и драконы мечети Анау²⁸.

Итак, драконы на портале мечети Анау получают следующее возможное смысловое истолкование. По содержанию это, повидимому, тотем населявшего еще в XV в. округу Анау (главным городом области была Ниса) основного туркменского племени, к которому, возможно, принадлежал и шейх Джемаледдин и из которого, может быть, вышел в XII в. Ортук б. Асаб. По значению это — существа-охранители «Дома Красоты». По форме это уже «китаобразные» драконы, образ которых проник в городскую культуру Средней Азии и Ирана и иконографически закрепился здесь еще во время монгольского владычества. Таким образом, в этом интереснейшем памятнике монументального изобразительного искусства местное переплетается с привнесенным, исконная традиция — с внешними влияниями.

Изображения драконов в этом комплексном памятнике, сочетавшем мечеть, медресе и мавзолей, связаны скорее всего с ним как с мавзолеем. В Средней Азии исключительно широко были распространены поверья о животных — охранителях могил. Таково, например, предание о змее, стерегущей мавзолей Биби-ханым в Самарканде. В самом Анау среди развалин городища XVIII—XIX вв. стоит сравнительно «молодой» мазар Ходжа-Музафара, воздвигнутый в прошлом столетии; по преданию, его по ночам оберегает тигр (шир). Возможно, что изображения широв или аждага на порталах мавзолеев имели магическое значение: эти животные как бы охраняли могилу.

Население аула Анау давно уже пытается объяснить непонятный для них факт введения драконов в орнаментацию мечети, что противоречило позднесульманскому запрету изображения живых существ, особенно в культовых зданиях. Приведем (в сокращенной передаче) вариант распространенной среди местных жителей легенды, записанной от 70-летнего Д. М. Овезова, уроженца Анау.

«Лет шестьдесят тому назад к анаускому имаму Мамед-Шерибу прибыл мударис, с которым они вдвоем направились к мечети. Приезжий выразил недоумение, как можно молиться в мечети, украшенной, вопреки установлениям шариа, фигурами животных, и, кстати, поинтересовался, почему здесь изображены драконы. Послали за стариком, и вот что он рассказал. Давным давно была здесь мощная крепость и город,

²⁵ М. Е. Массон. Регистан и его медресе, Ташкент, 1926, стр. 17.

²⁶ См. Рюи Гонзалес де-Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 г. Пер. И. И. Срезневского, СПб., 1881.

²⁷ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 263 и сл.

²⁸ Значение в китайской символике тех же могущественных животных — дракона и тигра — уже отмечалось в литературе. Предполагают, что в основе этих образов лежат тотемы народов, населявших, с одной стороны, морское побережье (дракон), а с другой — внутренние территории страны (тигр) (ср. W. H. Riddell, Tiger and Dragon, Antiquity, vol. XIX, No. 73, March 1945, стр. 27—28).

правила которым женщина Джемаль (по другой версии — мужчина Сейид Джемаль), мудрая и справедливая. У обреза крепостной стены, там, где ныне стоит мечеть, росло дерево, на котором был подвешен колокол. Каждый путник, испытывавший в чем-либо нужду, мог потрясти дерево, и тогда на звон колокола выходили люди царицы и оказывали просящему помощь.

Однажды жители города были встревожены трезвоном небывалой силы. Они бежали к дереву и увидели, что его сотрясает огромный дракон — аждага. Он ревел, извивался, но не причинял подошедшим никакого вреда; ясно было, что животное о чем-то молит. Дракон указывал то в сторону гор, то на стоявших в толпе двух плотников с топором и пилой. Тогда царица приказала обоим следовать за аждага. Чудовище поспешно удалялось в горы, все более неприступные, и вот, наконец, увидели плотники другого дракона, жену аждага. Оказалось, что она целиком проглотила горного козла, рога которого воткнулись ей в глотку, и не в силах ни выплюнуть его, ни проглотить, она умирала от удушья. Отважные люди вошли в огромную отверстие пасть; один перипилил рога, другой надрубил козлиную тушу; аждага была спасена. Тогда первый дракон повел плотников в большую пещеру, полную сокровищ, и знаками предложил им взять сколько угодно. Набрав драгоценностей, довольные мастера возвратились домой. А на следующий день жители снова были разбужены громкими звуками колокола. Выйдя за стены, они увидели обоих аждага, принесших на хребтах массу золота и драгоценных камней. Сложив их у ног царицы Джемаль, они быстро удалились в горы. Однако царица не взяла эти дары в казну, а приказала на них отстроить великолепную мечеть и на портале ее поместить изображения обоих дарителей — аждага».

Так народная фантазия художественно объяснила прекрасные и непонятные изображения, украшающие мечеть Анау.